

II.

ГОРАЦИЙ.

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
 Того, съ кѣмъ первые походы
 И браней ужась я дѣлалъ,
 Когда за призракомъ свободы
 Насъ Брутъ опшчаянный водилъ;
 Съ кѣмъ я превоги боевыя
 Въ шатръ за чашей забывалъ,
 И кудри, плющемъ увишья,
 Сирійскимъ мурромъ умащаль?

Ты помнишь часъ ужасной бишвы,
 Когда я, ярепешный Квиришъ,
 Бѣжалъ нечесшно брося щипъ,
 Творя обѣшья и молишвы?
 Какъ я боялся! какъ бѣжалъ!
 Но Эрмій самъ, незапной шучей
 Меня покрылъ и вдалъ умчалъ
 И спасъ ошъ смерши неминучей.

А шья, любимецъ первый мой,
 Ты снова въ бишвахъ очутился....

И нынѣ въ Римъ ны возвратился
Въ мой домикъ шемный и проспой.
Садись подѣ сънь моихъ пенаповъ!
Давайше чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни аромаповъ!
Гошovy чаши, мальчикъ! лей;
Теперь не кшаши воздержанье:
Какъ дикій Скиѣъ хочу я пишь,
И съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ ушопишь.

А. ПУШКИНЪ.

